СН+
Свободные новости плюс.
16+
№24 (919)
Вторник 15 июня 2021 года
E-mail: snplus@tut.by, www.sn-plus.com.

НА ПУТИ К НОВОЙ БЕЛАРУСИ: критические заметки в связи с начавшейся работой над ошибками

ТАТЬЯНА ЩИТЦОВА

С этой точки зрения 9 августа 2020 можно считать началом подлинной истории в Беларуси, до этого отличавшейся скорее латентным предчувствием собственных исторических возможностей. Паточка писал, что история возникает в результате потрясения привычных, повседневных, смыслов: когда всё, что казалось очевидным, несомненным и надежным, «проседает», и возникает необходимость в радикальном пересмотре оснований собственной жизни. Паточка полагал, что описанная им потрясенность — это экзистенциальный опыт, который дает начало философии, политике, истории и, главное, — определяет сущностную связь между ними. Ключевым политическим понятием для него было понятие солидарности, а точнее — «солидарности потрясенных».

История как процесс совместного ответственного преобразования человеческого мира, возможна только на основе «солидарности потрясенных». Солидарность потрясенных — этокогда люди, осознавшие ответственность за развитие их человеческого мира, оказываются в состоянии действовать сообща во имя общих целей.

ОКОНЧАНИЕ НА 10-Й СТР.

БЕЛОРУССКИЕ ЧЕБОЛИ НА БУКВУ «Х»

СЕРГЕЙ НИКОЛЮК

ПОЛИТ-ЛИКБЕЗ

В полном соответствии с теорией и корейским опытом по мере холдингизции страны темпы экономического роста в Беларуси снижаются Чеболь, если кто не в курсе, – южнокорейская форма финансово-промышленных групп.

Конгломерат, представляющий собой группу фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем.

Развитию чеболей (от корейских «че» – богатство и «боль» – группа) до кризиса 1997-1998 гг. способствовали специальные механизмы господдержки и защиты от иностранной конкуренции.

На начальной стадии индустриализации, когда экономический рост обеспечивался за счет импорта технологий, они сыграли положительную роль. Но счастье длилось недолго. «По мере того, как ВВП и доходы населения росли, – поясняет экономист Сергей Гуриев, – эта модель роста, необходимым условием которой была дешевая рабочая сила, теряла свои преимущества. К середине 1990-х производительность в корейской промышленности перестала расти».

Правительство Кореи проблему осознало. Некоторые чеболи были реструктурированы, некоторые – закрыты, а ограничения для иностранных инвесторов и независимых компаний (не являющихся членами чеболей) были сняты. Экономический рост восстановился, чему также способствовал переход от импорта технологий к собственным инновациям.

В 2018 г. по числу патентов Республика Корея опередила Россию в 5,6 раза (204775 vs. 36883), пропустив вперед только Китай, США и Японию.

Идея, овладевшая управленческой массой

Аналогом чеболей в Беларуси, разумеется, с определенными оговорками, являются так называемые холдинги (от англ. holding – «удерживание, владение»). На сайте самой солидной газеты страны впервые это слово появилось 13 декабря 2000 г., но к Беларусской модели отношения оно не имело, что подтверждает заголовок статьи: «Известный российский предприниматель, глава холдинга Медиа-мост Владимир Гусинский задержан в Испании».

Первого упоминания отечественного холдинга («Металлургический холдинг? Вполне созревшая идея...») дожидаться пришлось еще около года. Рубеж в сотню упоминаний в год был преодолен в 2017 г., и понеслось... В богатом на политические события 2020 г. статей, содержащих мудреное иностранное слово, поисковик насчитал аж 424!

Согласно сайту Министерства экономики РБ на 07.06.2021 г. в стране насчитывалось 80 холдингов. В полном соответствии с теорией и корейским опытом по мере холдингизации страны темпы экономического роста снижались: от приличных по мировым меркам 7,6% в «нулевые» до 1% в «десятые».

Несмотря на модные разговоры о переходе к экономике знаний, число выданных патентных заявок в Беларуси непрерывно сокращается. С пика 2007 г. (1378 заявки) «товарищи ученые, доценты с кандидатами» опустились до 461 заявки в 2019 г. Это меньше, чем было в «лихом» 1995 г. (633 заявки)!

Но как справедливо отмечал вождь мирового пролетариата, чьи памятники до сих пор украшают центральные площади белорусских городов, «идеи становятся силой, когда они овладевают массами». В данном случае речь идет об управленческой массе, частью которой является и вице-премьер Юрий Назаров, выступивший 23 марта с инициативой «создать кожевенно-обувной производственно-торговый холдинг под эгидой одного из производителей».

Каким образом новоявленный холдинг решит проблему долгов, «висящих на шее» ОАО «Минское производственное кожевенное объединение» в Гатово, вице-премьер не пояснил.

Картон – это прорыв

Беларусская модель – это один большой чеболь. И в этом смысле корейским чеболям, находящимся в собственности отдельных семей, она не противоречит. Если же использовать привычную терминологию, то Беларусская модель – это унитарное предприятие (УП «Беларусь»), т.е. предприятие с одним владельцем.

У такой архаичной организационной формы нет шансов вписаться в современность, представленную в наши дни шестым технологическим укладом (конвергенция нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий).

Беларусская модель в своем развитии идет от жизни. Последнее достижение – картонная фабрике в Добруше. Ее строили, строили и наконец построили китайские товарищи, передвинув при этом срок ввода в эксплуатацию с 2015 на 2021 год.

«Картон – это прорыв!» С таким авторитетным заявлением не поспоришь. Беларусь – страна экспортоориентированная. Непристало нам свою высокотехно-логическую продукцию упаковывать в импортные коробки. Например, мобильные телефоны, производство которых в Минпроме считали возможным в 2004 г.

На подходе и белорусские электромобили. Как тут не процитировать председателя Президиума НАН Беларуси Владимира Гусакова: «Велосипед, скутер, сейчас над мотоциклом беларусским работаем. Что касается электромобилей, тот первый образец, который мы демонстрировали, сейчас доработан. Уже сделали электроминивэн, небольшие электрические коммунальные машины и грузовичок. И мы уже готовы продемонстрировать эти разработки» (25.01.2019).

От перечисленного разнообразия в глазах рябит. Не знаешь, что и выбрать. Но без соответствующей упаковки экспортный потенциал беларусских разработок в жизнь не воплотить. Однако после очередного прорыва (см. выше) перспективы открылись на зависть всем «тиграм» Юго-Восточной Азии. Дух захватывает.

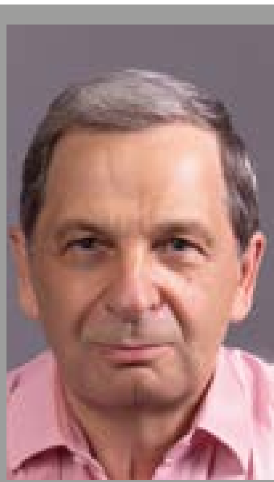
О стабильности и суверенитете

Если в 2000 г. в структуре доходов населения доля доходов от предпринимательства составляла 15,4%, то в 2019 г. она уменьшилась до 7,6%. Казалось бы, со сменой поколений должен был наблюдаться обратный процесс, но Беларусская модель не зря повернулась задом к миру. Экономическую активность своих граждан она не поощряет. Что касается активности политической, без которой в наши дни устойчивый экономический рост недостижим, то для любых ее проявлений имеется уголовный кодекс.

Чтобы не попасть под статью 130 УК («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни»), процитирую российского публициста Ивана Давыдова: «Немного шаткая вселенная зрелого путинизма держится на двух китах – это «стабильность» и «суверенитет». Стабильность понимается как отсутствие перемен, не инспирированных властью, а высшее воплощение стабильности – сам несменяемый Путин. Любая критика режима – это покушение либо на суверенитет, либо на стабильность. И, конечно, любое такое покушение инспирировано извне и оплачено вражескими деньгами».

Реальные доходы россиян за последние семь лет снизились на 10%. Таков один из итогов зрелого путинизма. Не берусь проводить параллели, но то, что в Беларуси называется на букву «Х», в России гордо величают «Госкорпорациями». Суть дела от этого не меняется.

О ПОПРАВКАХ В ЗАКОН ОБ АДВОКАТУРЕ

МИХАИЛ ПАСТУХОВ

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Результатом реакции властей на массовые выступления беларусов стало не только ужесточение репрессий, но и внесение жестких поправок в действующее законодательство. 27 мая главой государства утверждены поправки в Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь». Они вступят в силу через шесть месяцев, однако готовиться к ним адвокатам надо уже сегодня.

Что изменится?

Министр юстиции Олег Слижевский еще в марте с.г. поведал журналистам о готовящихся новациях. Их цель – «...укрепление кадрового потенциала адвокатуры, укрепление принципа законности в работе адвокатов, повышение качества и доступности адвокатской деятельности». В качестве подтверждения О.Слижевский сослался на упразднение трехлетнего стажа по юридической специальности для лиц, которые намереваются стать адвокатами.

Снятие такого требования связано, по всей видимости, с тем, что престиж адвокатской профессии снизился, как и заработок адвокатов. Раньше эта работа считалась среди юристов легкой и денежной. Попасть в адвокатуру можно было лишь «по протекции». Сейчас ситуация изменилась, и вот по каким причинам.

Прежде всего, люди поняли, что адвокат не играет существенной роли в судебном разрешении дела, особенно по уголовным делам. В период следствия он участвует лишь в отдельных следственных действиях и ограничен подпиской о неразглашении данных. В судебном заседании его роль сводится к заявлению ходатайств и произнесению защитительной речи. И за это обвиняемому или его родственникам приходится заплатить сотни, а то и тысячи рублей.

За проявление активной позиции по делу адвокату может грозить лишение лицензии, что мы наблюдали на примере защиты обвиняемых по политически мотивированным делам. В результате адвокаты притихли и боятся брать на себя защиту оппонентов власти.

Теперь с целью создания резерва кадров предлагается упростить порядок вступления в адвокатуру для лиц, имеющих опыт работы в судах и правоохранительных органах. Получается, что ставка будет сделана на «отставников». Они-то знают, как правильно вести себя и на следствии, и в судах.

Еще одним новшеством станет запрет работы адвокатов в составе адвокатских бюро и индивидуально. Опять, как в советские времена, единственной организационной формой адвокатской деятельности будут юридические консультации. Это своего рода «колхозы» для адвокатов, где за всеми будет приглядывать «председатель» и распределять нагрузку.

Замечу, что в новейшей истории Беларуси это уже вторая попытка удушения «адвокатской вольницы» Первый раз «наезд» на адвокатов власти совершили путем издания декрета №12 от 3 мая 1997 г. «О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь». Тогда была запрещена получившая широкое распространение индивидуальная адвокатура, а срок адвокатской лицензии ограничивался пятью годами. С того времени адвокаты попали под плотный контроль органов юстиции.

К чему приведут новшества?

Очевидно, что контроль за адвокатами еще больше усилится. Для этого, в частности, предлагается согласовывать с Министерством юстиции кандидатуры на должность председателя и членов советов коллегии адвокатов. В случае выдвижения неугодных кандидатур решающее слово остается за чиновниками от юстиции.

В новых условиях Республиканская коллегия адвокатов будет проводить обязательную аттестацию каждого адвоката, в том числе на предмет соблюдения Правил профессиональной этики. Это позволит усилить персональную ответственность адвокатов.

По сути дела, адвокатов переводят на положение служащих, которые будут отчитываться о каждом своем деле, поступке и слове. Тем самым, адвокатура утратит остатки своей самостоятельности. Ее прощальной песней может стать суд над Максимом Знаком, которого лишили адвокатской лицензии в связи с сомнительным обвинением в совершении ряда преступлений.

В то же время международная организация адвокатов номинировала Максима Знака, а также бывшего адвоката Людмилу Казак на премию «Lawyers for Lawyers Award» («Адвокаты для юристов»).

Какой должна быть адвокатура?

В сфере адвокатуры придется вернуться к истокам, то есть к первоначальной редакции Закона «Об адвокатуре» от 15 июня 1993 г. В соответствии с этим Законом адвокатура Беларуси утверждалась как независимый правовой институт, призванный оказывать юридические услуги всем нуждающимся.

На мой взгляд, предпосылкой для восстановления независимого статуса адвоката может стать отмена лицензионного порядка осуществления адвокатской деятельности. Вполне достаточно сдать квалификационный экзамен и получить удостоверение установленной формы. Такой экзамен должны принимать сами адвокаты, а не чиновники от Министерства юстиции и других ведомств.

Предлагаю также упразднить монополию на управление профессиональным сообществом со стороны Белорусской коллегии адвокатов. Для этого надо разрешить создавать объединения по типу английских клубов со своими уставами, традициями, мантиями.

Конечно, придется пересмотреть отношения Министерства юстиции и адвокатских объединений, ограничив возможности вмешательства во внутренние дела адвокатов.

Считаю принципиально важным создать на местах муниципальные юридические консультации. Они должны функционировать за счет дотаций из местных бюджетов и благотворительных фондов. Там могут нарабатывать опыт адвокаты-стажеры перед тем, как сдавать квалификационные экзамены на допуск к профессии, начинающие адвокаты, а также юристы, ушедшие в отставку. Целью их деятельности должно быть оказание юридической помощи нуждающимся по минимальным расценкам или бесплатно.

Указанные новшества должны получить закрепление в новой редакции Закона об адвокатуре. В соответствии с его положениями к профессии должны получить доступ все юристы, соответствующие предъявляемым требованиям и успешно сдавшие квалификационный экзамен. Чем больше адвокатов, тем они доступнее и дешевле. А работы для юристов в новых условиях хватит на всех.

НЕВЕРАГОДНЫЯ: ЭЛІЗА АЖЭШКА І ЯЕ ГЕРОІ

6 чэрвеня споўнілася 180 гадоў пісьменніцы, якую мы па-беларуску называем Эліза Ажэшка, палякі – Eliza Orzerzkowa, а Францішак Багушэвіч у сваім вершы ў яе гонар назваў "Яснавяльможнай пані Арэшчыхай". Славутай літаратарцы, якая не толькі праславіла герояў паўстання 1863 года, але заадно расказала нам з вамі пра "неверагодных" сучасных нас.

Андрэй **Хадановіч**

Апавядаць пра Элізу Ажэшку (1841-1910) можна бясконца. Фантастычная пісьменніцкая працаздольнасць. Тры дзясяткі раманаў, шмат аповесцяў і апавяданняў, разам каля пяцідзесяці тамоў, дзесяць з якіх – бліскучае ліставанне, якое нічым не саступіць мастацкай прозе. Гучная і заслужаная літаратурная слава. Творы чакаліся, раскупаліся, чыталіся і перакладаліся на дзясяткі моваў. Пісьменніцу двойчы намінавалі на Нобелеўскую прэмію – і яе кандыдатура зусім не губляецца на фоне Генрыка Сянкевіча і Сёльмы Лагерлёф, якія тую ўзнагароду ўрэшце атрымалі.

І, мабыць, нашмат важнейшае – чалавечнасць. Абвостранае пачуццё справядлівасці і нязменнае жаданне бараніць кожнага і дапамагаць кожнаму, хто гэтай абароны і дапамогі патрабуе. Вядома ж, хавала ад праследу паўстанцаў. Шмат разоў уратоўвала ад арышту аднаго з кіраўнікоў паўстання Рамуальда Траўгута і дапамагла яму ўцячы (як і іншаму кіраўніку, Яну Ваньковічу).

Яшчэ адзін характэрны прыклад – спачатку халаднавата, з лёгкай дыстанцыяй ставілася да Гародні, але рэзка памяняла гэтае стаўленне пасля гарадскога пажару. Пабачыўшы горад з перспектывы небяспекі, палюбіла яго, пражыла ў ім некалькі дзесяцігоддзяў да самай смерці і шмат што зрабіла для яго. І гарадзенцы з любоўю і пашанай ставіліся да сваёй знакамітай зямлячкі. Мясцовая легенда апавядае: калі Ажэшка цяжка захварэла, жыхары заслалі брукаванку каля яе дома сенам, каб вазы сваім шумам не перашкаджалі слыннай гарадзенцы.

Захопленая натуралістка, вандроўніца і даследчыца роднай флоры. 228 апісаных і названых ёй па-беларуску раслінаў – гэтых назваў болей, чым змяшчае слоўнік Насовіча. А беларускія песні і загадкі яна проста жыўцом уключала ў свае польскамоўныя творы. Вось толькі адзін прыклад з апавядання "Зімовым вечарам", якое перакладаў Вацлаў Ластоўскі, а потым і Янка Брыль:

Еду, еду –
Ні дарогі, ні следу,
Каня бічом паганяю,
На смерць паглядаю.

Паспрабуйце адгадаць. Калі цяжкавата, перачытайце апавяданне, задавальненне гарантаванае.

Наогул інтэлектуалка, што ў свой час з вялікай карысцю "праглынула" бацькаву бібліятэку, якая складалася з твораў пісьменнікаў-філосафаў Асветніцтва. Адсюль талерантнасць і падазронае стаўленне да ўсякай нецярпімасці і дыскрымінацыі. Сёння, мабыць, была б названая мультыкультуралісткай і феміністкай. У сваіх шырокіх поглядах апярэджвала час і

далёка выходзіла за стэрэатыпныя рамкі паводзін кансерватыўнага асяроддзя. Так, сама ініцыявала развод з мужам. Шмат гадоў пражыла па-за шлюбам і выйшла замуж толькі пасля смерці жонкі свайго партнёра. А на схіле гадоў не саромелася жарснага тону ў ліставанні з на пару дзесяцігоддзяў маладзейшым карэспандэнтам.

Жыхарка шматкультурнага памежжа, уважлівая да галасоў культур-суседак. Чаго вартая габрэйская тэма ў творчасці пісьменніцы. (Згадайма хаця б раман “Мэір Эзафовіч”, што быў перакладзены на тузін моваў і спрычыніўся да міжнароднай славы пісьменніцы.)

Зразумела, Ажэшка не магла прайсці і паўз беларускую тэму, не заглыбіўшыся ў яе — як у кантэксце блізкай культуры, якую можна вывучаць і папулярызаваць, а заадно і натхяцца ёй (досыць згадаць пра падтрымку беларускамоўнай творчасці Багушэвіча), так і ў святле сацыяльнай няроўнасці, дзе аўтарка гатовая быць на баку слабейшага і пакрыўджанага, чытай: на баку беларускага сялянства. Вынік — аповесці “Нізіны”, “Дзюрдзі”, “Хам”, шматлікія апавяданні. Дарэчы, спачуванне прыгнечанаму не замінае бачыць яго негатыўных бакоў — неадукаванасці, забабоннасці і г.д. Як на мае чытацкія адчуванні, ідэалізацыя беларускага селяніна ідзе хутчэй ад літаратуры (сентыменталізм з Русо, рамантызм з Гюго і Жорж Санд, “кепскі” горад, несапсаваная сучаснай цывілізацыяй вёска і ўсё такое), а вось цвярозы погляд, амбівалентнае стаўленне — ад уласнага досведу і жыццёвых назіранняў, але пра гэта яшчэ будзе нагода сказаць.

Карацей, пісьменніца настолькі ўвайшла ў тэму, што стала неад'емнай часткай не толькі польскай, але і беларускай культуры. Прывяду характэрную цытату з рускай вікіпедыі: “В Польше считается выдающейся польской писательницей, в Белоруссии — белорусской”. На маю сціплую думку, Элізы Ажэшкі (як і Адама Міцкевіча) хопіць на ўсіх — было б жаданне вывучаць, перакладаць і папулярызаваць яе творчасць! Чым, дарэчы, плённа займаецца ўжо не адно пакаленне беларускіх перакладчыкаў і даследчыкаў. Мне ж сёння хочацца звярнуць увагу на адзін матыў у творчасці літаратаркі, які робіць яе асабліва актуальнай для Беларусі і беларускага грамадства ўзору 2020-2021 гадоў.

Апошняй Ажэшкавай кнігай стаў зборнік апавяданняў “Gloria victis” (“Слава пераможаным”), што выйшаў у год смерці аўтаркі, у 1910. Кніга палемічна перайначвае вядомы лацінскі афарызм “Vae victis!” (“Гора пераможаным!”), услаўляе подзвіг і памяць паўстанцаў 1863 года, адлюстроўвае эвалюцыю, так бы мовіць, культурнага супрацыву ў творчасці літаратаркі: ад эзопавай мовы, намёкаў і недагаворанасці ў рамане “Над Нёманам”, праз “пісанне ў стол” (так ствaралася загалоўная навэла) да грамадзянскага пафасу, выказанага ў друку адкрытым тэкстам. У выніку кніга выбухнула, як бомба, прыцягнула пільную ўвагу царскай цэнзуры, якая адпомсціла аўтарцы пасмяротна: у 1911 кніга была забаронена, а нераспрададзены наклад было загадана канфіскаваць. Але лёгка сказаць “канфіскаваць”. Трохтысячны наклад разышоўся імгненна, і канфіскоўваць проста не было чаго.

У зборніку пяць навэлаў. Чатыры з пяці “правільныя”. Вельмі сур'ёзныя паводле тону. З захапленнем самаахвярнасцю герояў. З адназначным падзелам свету на чорнае і белае (не раўнуючы беларуская карціна з лета 20-га да сёння). З праведным гневам, раднымі чаканнямі, светлымі надзеямі, іх крушэннем ды слязамі на вачах. Пятая ж — “Бог ведае хто” — выглядае на пэўны збой у гэтай сістэме. Бо гэта гумарэска. Так, гэта не памылка — Ажэшка сапраўды напісала пра паўстанне 1863 г. гумарыстычнае апавяданне. Аўтарка на пачатку нават шукае слоў апраўдання: “Як гэта, дзівішся ты, пасярод такой трагедыі — смех?” І далей: “Усё бывае, і бывае адразу, у адзін момант — у адным людскім сэрцы” (пераклад Анатоля Бутэвіча).

Але выбачацца тут дарэмна, бо ў выніку атрымаўся ці не самы цікавы твор у кнізе — калі не найлепшы, то адназначна найсучаснейшы па светабачанні і інтанацыі. Твор, які — без высокіх пафасных слоў — больш за іншыя кажа пра тагачасную салідарнасць і больш за іншыя перагукаецца з сённяшнім адчуваннем таго, як фармуецца наша грамадзянская супольнасць.

Гераіні навелы, маладыя жанчыны і дзяўчаты, рыхтуюць вайсковую амуніцыю для паўстанцаў. Дакладней — шыюць для іх канфедэраткі. (Нічога не нагадвае?) Вось толькі бракуе аўчынкі на ўсе 100 запланаваных штук. А ў дом, дзе яны занятыя гэтай працай, якраз прыязджае, сярод іншых гасцей, нейкі спадар Буракевіч. (Імя, дарэчы, вымоўнае: у спадара вельмі чырвоны твар, на якім кантраства глядзяцца валошкавыя вочы. Даследчыца Святлана Воцінава заўважае ў сваёй лекцыі, што кожны выпадак блакітных вочэй — выразны сігнал: пісьменніца ставіцца да такога героя пазітыўна.) Але гераіні Ажэшкі пра гэта яшчэ не ведаюць: прыязджы спадар ім пакуль абсалютна незнаёмы, яны не давяраюць яму як чужому. Усё, што яны ведаюць, — ён прыехаў у авечым футры, якое вісіць проста ў іх на вачах. А аўчынкі на канфедэраткі

не хапае. А футра вісіць і дражніць магчымасцю скарыстацца кепскім сродкам для дасягнення добрай мэты. Груба кажучы — парэзаць чужое футра, каб хапіла на ўсе 100 штук. Урэшце такі адрэзалі ад футра адно крысо. І апраўданне гатовае, бо робяць жа не для саміх сябе, а “для грамадскага шчасця”. Гэтае “грамадскае шчасце” праходзіць праз усё апавяданне рэфрэнам — і то паварочваецца да чытача сваім камічным бокам, то праз іронію прабіваецца цалкам сур'ёзны і важны змест.

Асабліва калі жанчыны прыходзяць прасіць прабачэння ў госця, а той разумее, дзеля чаго яны так зрабілі. А заадно — што аўчынкі ўсё адно на ўсе канфедэраткі не хапіла. І ўвесь ягоны гнеў за адну секунду выпараецца. Змяняецца расчуленасцю. І ён сам бярэ і адразае другое крысо, бо ж “для грамадскага шчасця”. Так “чужы” імгненна ператвараецца ў “свайго”, а выпадковае, на першы погляд, таварыства — у суполку аднадумцаў і хаўруснікаў, гатовых падтрымаць адно аднаго.

Ужо згаданая С.Воцінава інтэрпрэтуе назву апавядання — “Бог ведае хто” — як: Бог ведае хто толькі ні далучыўся да агульнай справы змагання. Мовай сённяшніх мемаў: “мы не знали друг друга до этого лета”. Або мовай апавядання: “Пасля таго дня і ўсёй той вясны пачалося для нас такое грамадскае шчасце, што ажно — ха!”

3. Организация — не самоцель, это инструмент для достижения цели

Ирина Грушевая о прошлом, настоящем и будущем

За время работы фонда «Дети Чернобыля» на оздоровлении за границей побывали более шестисот тысяч белорусских детей. Если прибавить их семьи и знакомых, получится город, сопоставимый с Минском… Чем отблагодарило государство организаторов поездок? Как повлияли эти поездки на чернобыльскую ребятню?

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО В № 22)

АЛЕКСАНДР ТОМКОВИЧ

— Когда власти просчитали эффект воспитания белорусских ребят западной реальностью, они начали воевать с фондом.

...Первым делом раскололи правление фонда. Сработали обиды и личные амбиции. Пять человек, использовав все наши связи за рубежом, тайно создали свою организацию. А ведь могли это сделать открыто, как поступили многие другие. Почему так? Видно, были на это причины. Факт — то, что получилось вероломно. Жаль.

Ну а далее многочисленные перерегистрации и ограничения... Они сделали свое дело. От былых структур почти ничего не осталось.

Хотя те и сопротивлялись до последнего. Складывалось впечатление, что гражданское общество полностью уничтожено. Но Геннадий стал расширять работу с молодёжью. Уже в условиях не прекращающихся репрессий, запретов и ограничений, проверок и перерегистраций удалось создать проекты, не связанные напрямую с оздоровительными программами, но на базе связей с инициативами, приглашающими детей. Именно тогда появились наши «Мастерские будущего», где молодежь (в Минске это был центр в Малиновке) училась не только этике «Благоговения перед жизнью» (Альберт Швейцер), но и ответственности, солидарности, открытости. Каких только клубов они не создавали! Здесь можно было осуществить самую «сумасшедшую» идею.

Например, в нашем центре существовала детская республика с демократическими институтами выборов и управления. Воскресная школа по правам человека и клуб экодетективов...

Всего около 30 разных групп по интересам, пилот-проектов удалось разместить на небольшой территории, выделенной исполкомом. Да это были несколько лет роста и развития, несмотря на общую политическую обстановку.

До маленьких людей тогда ещё не доходили руки у контролёров и запретителей. Однако этот, по— своему «золотой век», кончился уже к нулевым годам. У нас был проект помощи очень пожилым людям. В большинстве своём переселенцам из зараженных зон. «Мост поколений». Молодёжь организовывала встречи, праздники, занятия с очень пожилыми людьми. По субботам центр гудел, столько там собиралось рабочих групп.

Вскоре Фонду отказали в помещении, потребовав плату за аренду, как от коммерческой организации. Пришлось искать приют. Сначала мы собирались в одной из школ. Потом директору это запретили. Как и всем другим владельцам помещений. Кончилось тем, что мы были вынуждены собираться в подаренном немцами автобусе. Или снимать на пару часов кафе.

Офис фонда, который в течение 17 лет располагаясь на 65 кв. метрах делал масштабную работу государственной важности, был выселен и как «летучий голландец» появлялся в самых разных местах, каждое из которых в очередной раз в конце концов отказывало в аренде и юридическом адресе. Нет адреса — нет регистрации организации. Таким образом государство расправилось с множеством инициатив, заменив их своими карманными «общественными» организациями. В итоге нашлась маленькая комната в

одном общежитии на задворках. Но даже ее выбить было очень трудно.

Мы никогда не просили белорусское государство нам помогать. Главное – чтобы не мешало.

Увы…

«Дети Чернобыля» не были в строгом смысле Фондом, где есть уставной капитал, на проценты от которого ведётся работа. Нашим капиталом были мы сами – люди, изменяющие свою жизнь к лучшему.

С сегодняшней перспективы мне видится, что Фонд как бы моделировал общество. С главной целью: для детей, а потом вместе с ними создавать такие условия для жизни, которые позволяют всем чувствовать себя гражданами – свободными, ответственными, инициативными.

В нашей маленькой модели было место пожилым людям и детям с ограниченными возможностями, одарённым детям и тем, кто оказался в исправительных учреждениях, попавшим в беду и сиротам , переселенцам и ликвидаторам, креативным и не очень, активным и тем, кто ещё только присматривался.

Я тогда хорошо поняла, что организация создаётся не как самоцель, а как инструмент для выполнения определённых задач. Поэтому организационные структуры должны быть не тяжеловесными с привычными иерархиями, кабинетами и прочими атрибутами «солидных «организаций, а мобильными и гибкими. Лучше всего подходил вариант сети.

К этому мы и стремились. МАГС стал, например такой сетью международного гуманитарного сотрудничества уже с самого начала его создания во время первого международного конгресса «Мир после Чернобыля» в 1992 году. Импульсы, ниточки, каналы общения соединяли самых разных людей в мире, тесно переплетаясь с заботой о детях, пострадавших от мирного атома. Фонд, МАГС, а позже, уже в 1998 году, и Социальный центр «Мастерская будущего» стали мощным инструментом вовлечения огромного количества людей в осмысленную деятельность.

Я прошу прощения за эти, может быть, казённо звучащие фразы. Но за ними стоит мой реальный опыт. Потрясающий потенциал наших невероятных беларусов открылся уже тогда, в 90-е годы. Это было завораживающе. Но и ошибок было не счесть. Учились на ходу.

После четырёх лет свободного строительства, до 1994-го, наступили годы разрушения, репрессий и сопротивления. Сеть инициатив Фонда изрядно поредела, но существует и поныне. С другими названиями, с молодыми людьми и активистами, часто соблюдая правила конспирации. Люди продолжают делать то, что возможно. Хотя, надо признаться, это выглядит, как растительность под любым большим камнем. Переверните такой камень, вы увидите: да, там есть жизнь… Но какая?! Это явно не благоухающий сад или луг.

В 2006 году президентским декретом были запрещены поездки чернобыльских детей. Тогда все проводили параллель между действиями царя Ирода и нашей ситуацией. Этому предшествовали обыски в маленьком минском бюро, облавы перед отъездом детей (с целью выявить коррупцию), запугивание работников, бесконечные проверки всех возможных ведомств. Но мы продолжали работать. Геннадий был настоящим борцом и держал удар при любых обстоятельствах. Целую неделю каждый день он ходил на допросы в СК, и ему удалось убедить тогда следователей не конфисковать наши компьютеры с базами данных. Дело происходило перед летней оздоровительной кампанией. Международный скандал был запрограммирован.

Целый год наши партнёры добивались отмены этого декрета. И добились.

В этот период мы отправляли детей за границу не как чернобыльских, а «по обмену». Т.е. в соответствии с уставом МАГСа. Прокуратура получила указание проверить исполнения президентского декрета и очень быстро нашла тех, кто организацию банально «заложил».

Встал вопрос о возбуждении уголовного дела. Нас предупредили о такой вероятности, и правление решило отправить меня в очередную заграничную командировку, которая по сути длится по сей день.

Черный 2014 год… Генннадий Грушевой умер от того, от чего стремился спасать и спасал других – от лейкемии, то есть от онкологического заболевания, связанного с последствиями чернобыльской аварии…

Фонда «Детям Чернобыля» больше нет. Его закрыли, чтобы никого не подвергать опасности даже из-за названия со словом Чернобыль. Ну и ещё, чтобы никто не использовал название для отличных от нашей философии целей.

Теперь Фонд – это уже история. История невероятных беларусов.

Я хотела бы привести несколько цитат Геннадия: мне кажется, они очень созвучны сегодняшним событиям.

«Эту свободу уже не забудут! Гражданское общество у нас стало формироваться в первую очередь на чернобыльских программах. Появились группы самопомощи, благотворительные организации. Пришлось брать на себя ответственность. Устраивать митинги, защищать первые гуманитарные конвои. В 1990-1991 годах в Беларуси поднялось движение, поднялась волна внутренней солидарности».

«Чернобыль сломал старую психологию и дал шанс для консолидации общества. А чернобыльские дети…. Я их встречаю везде: в вузах и редакциях газет, на митингах и дискотеках. Эти ребята в большинстве своём сами себя иронично называют «дети Чернобыля». Но в этих словах я как бы слышу тот смысл, который они вкладывают в своё восприятие жизни. Той жизни, о которой они узнали благодаря тому, что МИР ПРИШЁЛ ИМ НА ПОМОЩЬ».

А вот слова, которые можно прочитать под портретом Геннадия, придя на его могилу:

«Сегодня важно осознать, что мы все живём в одном мире, и он будет таким, каким МЫ его сделаем».

В Германии, кроме продолжения контактов по линии Чернобыля, я работала в частном вузе. Преподавала немцам русский язык, а потом преподавала немецкий язык для беженцев. Здесь всегда есть возможность найти работу.

НА ПУТИ К НОВОЙ БЕЛАРУСИ

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР

Для чехословацких диссидентов, решившихся публично отстаивать права человека в своей стране, Хартия стала конкретным примером такой солидарности и одновременно – живым доказательством сущностной связи между философией (критическим прояснением базовых смыслов), политикой (практическим достижением общих целей) и историей (движением общественных трансформаций).

Беларусская революция – это тоже пример «солидарности потрясенных». Пример возникновения сообщества «потрясенных», которые решились на открытый протест против насилия и беззакония. После событий 9-11 августа сотни тысяч беларусов и беларусок поняли, что возвращение к привычной жизни более невозможно и что политическое переустановление нашего общества – это наша общая историческая задача. Нужно признать, что мы лишь в начале пути. Между экзистенциальным потрясением, которое не позволяет сознанию регрессировать к пассивному принятию любого провластного status quo, и практическим переустановлением политических институтов (в пределе – института государства как такового) простирается огромное поле для совместной рефлексивной работы, которая требует много времени, сил и терпения – солидарной воли к сотрудничеству и взаимопониманию.

Мы учимся быть субъектами истории, учимся политической солидарности. Критики, спешащие объявить приговор Беларусской революции, кажется, не принимают во внимание, что становление политической субъектности требует времени и практики. Необходимо считаться с тем, что опыт политического взаимодействия (от создания дворовых чатов до координации действий между различными политическими акторами) приобретается нами в ходе самой революции: и это так не только потому, что большая часть протестующих ранее была аполитичной, но и потому, что текущий политический кризис совершенно беспрецедентен, а стартовые условия революции (децентрированность, арест или эмиграция лидеров) требовали поиска экстраординарных решений.

Оглядываясь назад, сегодня многие пишут о том, что следовало бы сделать, но не было сделано. Уроки извлекать необходимо, бесспорно. Но, проводя работу над ошибками, нужно исходить не только из идеальных моделей, но и из фактических обстоятельств. Внимание к фактичности (со всеми её плюсами и минусами) позволяет понять, что многое из того, что, согласно критикам, «следовало бы» сделать, не могло быть сделано «в нужное время» в силу сложного сочетания политических и человеческих факторов, которое сложилось на данный момент. Игнорирование фактической невозможности реализовать некую теоретически «правильную» идею» приводит к тому, что критика перестает быть конструктивной и лишь способствует подрыву доверия к лидерам и дезинтеграции в рядах протестующих.

Можно ли возлагать ответственность за жертвы на «оппозиционных» кандидатов, которые своим участием в президентских выборах вселили надежду на перемены? Такой взгляд на вещи отворачивается от того, что было сказано выше: что историческое переустановление общества – это вопрос солидарной ответственности. Могли ли ключевые фигуры объединенного штаба, продвигавшего С. Тихановскую на выборах, предвидеть, какую кровавую цену придется заплатить за публичное выражение своего несогласия с правящим режимом? Конечно, нет. Несомненно, люди даже 30-летнего возраста, не говоря уже о более старших поколениях, которые хотя бы немного интересовались политической жизнью в стране, знали, что при режиме Лукашенко была «кровь» и в 2010 (разгон Плошчы), и до 2010 (исчезновение оппозиционных политиков). Но в том-то и дело, что «кровь» – не абстракция, она всегда the кровь – определенна, фактична. Кто мог знать наперед – и даже не то что «знать», а в принципе вообразить, допустить, помыслить, – что это будет вот эта кровь: кровь, залившая улицы и места задержаний по всей стране; кровь изнасилованных дубинкой и потерявших надежду на медпомощь?! Мы читали свидетельства силовиков, которые признавались, что даже внутри их системы люди были шокированы произошедшим. При этом именно фактичность этой «крови» – невообразимая и немыслимая – стала тем потрясением, из которого вырос массовый революционный подъем.

Многие по традиции описывают события в Беларуси в терминах «опоздавшей нации», видя в начавшейся революции попытку завершить процесс национального самоутверждения, который – вследствие прихода к власти Лукашенко – оказался снова отсрочен. Я не собираюсь оспаривать обоснованность такого подхода. Однако хочу обратить внимание на уместность совсем другой исторической перспективы, в свете которой беларусский кейс может восприниматься, наоборот, как нечто «передовое», представляющее интерес не только в локальном, но и в глобальном – и прежде всего, общеевропейском – контексте.

Со времени распада Советского Союза глобальный социально-политической контекст сильно изменился. Если в начале 90-ых казалось, что для бывших социалистических республик нет другой альтернативы, кроме неолиберального капитализма, то сегодня все говорят о системном кризисе неолиберальных капиталистических обществ. Ключевыми проявлениями этого кризиса выступают упадок демократии (снижение интереса граждан к участию в политической жизни и утрата доверия к существующим политическим институтам) и общее переживание «исчезновения будущего» (этот симптоматичный диагноз фиксируется известными социальными теоретиками из самых разных стран). В таком контексте начавшаяся в Беларуси революция действительно является чем-то поразительным: она показывает одновременно и приверженность нашего гражданского общества европейским ценностям, и живой запрос на низовую/горизонтальную демократию, и упорство в неприятии насилия.

Историческая работа по переустройству нашего общества является задачей, которая в глобальном контексте оказывается переплетена с актуальными поисками новых траекторий развития в западных обществах. Вопрос о будущем демократии – это горячая повестка, которая как никогда ранее связывает сегодня все европейские общества, включая Беларусь.

В августе 2020 мы совершили беспрецедентный исторический рывок – к самим себе как субъектам истории, к новой Беларуси. Сегодня главное, что требуется от нас, это находить способы проявлять/обнаруживать свою солидарность друг с другом. Это то, что держит нас вместе, и является надежной почвой для нового революционного прорыва.

ПОСЛЕДНЕЕ ГОСУДАРСТВО В ЕВРОПЕ

Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а ма-ло избранных», — сказано в Евангелии от Матфея. Минуло два тысячелетия, и слова Христа начинают сбываться.

СЕРГЕЙ НИКОЛЮК

Не верите? Тогда предлагаю обратиться к докладу на VI Всебелорусском собрании (ВНС): «По сути, наша страна сегодня — это, если хотите, последнее действительно суверенное государство в Европе. Может быть, и по этой причине страдаем. В этом основной вопрос, вокруг этого во многом идет борьба — борьба за вовлечение Беларуси в орбиту своего влияния».

Автор цитаты, как сказал бы мой дедушка, начал за здравие, а закончил за упокой, т.е. приравнял страну к государству: наша страна — последнее суверенное государство. Между тем страна — это территория + население + культура; государство — всего лишь форма организации общества.

В качестве примера суверенной страны сошлюсь на остров Пасхи в Тихом океане до его открытия в 1722 г. европейцами. От ближайших населенных территорий остров отделяют тысячи миль. Большей суверенности и представить невозможно.

Суверенная страна в наше время — это оксиморон, что-то вроде листьев травы или живого трупа. Если бы белорусская культура обладала полным суверенитетом, то из эпохи нижнего палеолита мы бы не выбрались. Не дай нам Бог жить в суверенной стране. Но Бог милостив. До пандемии белорусы лидировали по количеству шенгенских виз на 1 тыс. человек.

С государственным суверенитетом все не так однозначно. Казалось бы, ни один народ не откажется от права на независимость во внешних и внутренних делах. Но, во-первых, по аналогии с известным анекдотом («чтобы выпендриваться, крылья надо иметь») до уровня субъекта народам требуется дорасти. Чаще от имени народа решения принимают демагоги. Во-вторых, как внешняя, так и внутренняя политика, не учитывающая интересы соседей, не может быть эффективной.

Но вернемся к цитате из доклада на VI ВНС. Государство, попавшее в орбиту влияния других государств или союзов государств, теряет свой суверенитет. Интересная логика, и в рамках этой логики кроме Республики Беларусь других суверенных государств в Европе не осталось.

Как тут не вспомнить маленькую, но гордую птичку из культового советского фильма «Кавказская пленница», решившуюся в одиночку лететь «прямо на солнце». К чему привела ее гордыня, полагаю, напоминать не обязательно.

Анекдот из босоногого детства

Проблемы «маленькой птички» на этом не кончаются. Слабонервным следующую цитату предлагаю пропустить: «Беларусь сегодня — это господствующая высота на поле боя в центре Европы. Помните из фильмов: идет бой, и все бьются за эту господствующую высоту, потому что после ее захвата у тебя под контролем все вокруг? В такой ситуации сегодня оказалась Беларусь, за эту высоту идет жесточайшее сражение. Так было всегда в нашей многовековой истории».

Как говорится, если не везет, то и в бане замерзнешь. Три четверти века прошло с окончания Второй мировой войны, а все никак не переведутся политики, воспринимающие европейский континент в качестве поля боя. Такая вот ментальная «картина мира». Оспаривать ее бесполезно. Они же окопались на господствующей высоте. Им сверху виднее.

В годы моего босоногого детства были популярны анекдоты про партизан. Ограничусь одним: «Из леса выходит обросший, одичавший партизан. — Эй, бабка! Немцы в деревне есть? — Да ты что, милок? Война уж 20 лет как кончилась! — Иди ты?! А я все поезда под откос пускаю».

Информацией о пущенных за последние годы под откос поездах автор не располагает, однако не следует думать, что «картина мира», описанная выше, безобидна и на повседневную жизнь белорусов влияния не оказывает. В социальной сфере и в наш просвещенный век продолжает властвовать закон Томсона: «То, что люди считают реальным, имеет реальные последствия».

Примером таких последствий являются стигматы — болезненные кровоточащие раны, открывающиеся на теле католических подвижников под влиянием религиозной экзальтации, на участках тела, на которых предположительно располагались раны Христа, полученные им при распятии на кресте.

Исторически вызревшая демократия

Экзальтированные особы (лат. exaltatio «подъем, воодушевление») встречаются не только среди религиозных фанатиков. В наши дни их полно и среди остепененных граждан в академических институтах. После августа 2020 г. им охотно предоставляют слово в государственных СМИ.

За образцами их научных откровений далеко ходить не требуется: «Уже стало очевидным, что демократия не может обеспечить сохранение традиционных ценностей и национальной идентичности. Она оказалась недееспособной перед узкими интересами партийных и страновых элит, вседозволенностью спецслужб, процветанием нацизма и экстремизма, подпитываемых транснациональными корпорациями. Мы являемся свидетелями целенаправленного искажения понятий демократии, свободы, веры, прав и ценностей, что, естественно, создает предпосылки в ограничении ее возможностей для развития государств, народов и их граждан».

Демократия себя изжила. Согласимся. Но что идет ей на смену: авторитаризм, диктатура? Вывод логичный, но неверный. На смену демократии идет... демократия.

Парадокс разрешается просто: «единого прочтения демократии в мире нет». Сколько народов, столько и демократий. «В результате миф о демократии как единственном инструментарии, открывающем двери в счастливое будущее, рассыпается...»

У каждого народа свои традиции, свои ценности. Например, как неожиданно выяснилось, в белорусской милиции существует традиция стрелять на поражение в тех, кто «нагло перед ними стоял».

В качестве комментария, вновь обращусь к остепененному автору: «...наша государственность и ее демократия как процедура — это две неразделимые сущности белорусской модели развития. Следовательно, Беларусь олицетворяет ценностную, исторически вызревшую демократию».

Вот и ладушки! Чем отличается белорусский вариант демократии от демократии у наших соседей на Западе. Наша демократия — исторически вызревшая. Не уверен, что за подобное научное обобщение следует избирать в действительные члены Национальной академии наук, но кандидатскую степень автор обобщения явно перерос.

АЛЕСЬ НЯЎВЕСЬ

ВЕРШАВАНЫЯ ФЕЛЬЕТОНЫ

Іншапланецяне спадцішка выкралі з трупярні мерцвяка?

У пінскім моргу сваякам выдалі цела іншага чалавека. Яго нават паспелі пахаваць, а потым давялося раскопваць магілу, мяняць нябожчыка. А зімой з гэтага ж морга ўвогуле знік труп жанчыны. Нябожчыцу пакуль што так і не знайшлі...

Кіраўнік вачыма лыпаў тупа,
А сказаць нічога ён не мог:
Не знайшла радня чамусьці трупа,
Абшукаўшы ўвесь ягоны морг.
Кіраўнік глядзеўся нехлямяжа –
Ён і сам дапяць не мог ніяк,
Дзе схавацца ўздумала прапажа
І куды падзеўся той мярцвяк.
Труп ляжаў дагэтуль нерухома,
Выбачайце, быццам бервяно.
Трупы ж ажываюць, як вядома,
Толькі ў нейкім жудасным кіно.
Красці ж чалавека нежывога
Персанал не будзе спадцішка.
Ахапіла цьмяная трывога,
Як начны туман, кіраўніка,
Твар яго ажно пакрыўся потам...
Бо зыход прадбачыцца які?
Калі труп не знойдзецца, дык потым
Вэрхал-гвалт падымуць сваякі.
Што ж рабіць? Ідэя, як маланка,
Раптам смела дзюбнула ў мазгі
(Для радні, вядома, нечаканка):
– Можа, я вам выдам... труп другі?
Дзіка прагучалі тыя словы –
Сапраўды збянтэжылі радню.
Ды, відаць, такія прапановы
Ён ужо рабіў не ўпершыню.
Гэтак жа душа яго трымцела,
Хваляваўся вельмі ён, калі
Сваякам другое выдаў цела,
І яны нябожчыка ўзялі.
А чаму? Бо не пазналі проста –
Навялі на целе марафет.
Чужака панеслі да пагоста,
Закапалі ў яме, як і след.
Потым спахапіліся, канешне,
Як прыгадваць сталі грамадой:
Хоць мярцвяк падобны вельмі знешне,
Але ўсё ж не "наш", бадай, не той.
І дасталі з ямы дамавіну,
І "свайго" нябожчыка знайшлі,
Зноўку аддалі яму даніну,
"Свой" цяпер знаходзіцца ў зямлі.
Дзякуй богу, мінавала кара...
Мо за фінт бязлітасны такі
І цяпер не надаюць у карак,
Як падымуць лямант сваякі?
А яны заўпарціліся ўсё-ткі:
– Нам зусім не трэба труп чужы!
ТАМ яго не прымуць нашы продкі!
"Нашага", нягоднік, пакажы!
Марна задаваліся пытанні,
Лаяла дарма радні гурма:
Як жа можа ён пры ўсім жаданні
Тое паказаць, чаго няма?
Ён жа, далібог, не вінаваты,
Што мярцвяк сышоў без дай прычын.
Словам, пасварыўшыся, дахаты
Сваякі паехалі ні з чым.
Думаюць, відаць: пакуль не трэба
Адпяваць нябожчыка ў царкве:
Можа, сапраўды забрала Неба,
А магчыма, ўсё яшчэ жыве.
* * *
Калі мы дзівіцца зноўку будзем,
Што з трупярні труп чарговы знік,
Сваякам і ўсім астатнім людзям
Гэтае трупярні кіраўнік,
Мусібыць, даводзіць палка стане,
Што жывых людзей спакон вякоў
Выкрадалі іншапланецяне;
Зараз выкрадаюць мерцвякоў...

Глядзяць на нас са стараны і ціхары, і шаптуны

У Мінску на дзіцячае свята ў адным з двароў прыехалі сілавікі: нехта паведаміў, што на пляцоўцы развешаны чырвоныя і белыя стужкі, ды і дзеці трымаюць у руках такіх жа колераў шарыкі.

Цяпер сярод насельніцтва нямала
Таемных ціхароў і шаптуноў,
Якія, пасылаючы "сігналы",
Выскокваюць, як кажуць, са штаноў.
І ў тым, на жаль, зусім не бачу дзіва,
Што многа іх на нашае зямлі:
Адных улада шчодра напладзіла,
Другія самі бурна прараслі.
Надоечы паслаў сігнал чарговы
У райаддзел адзін шаптун такі.
Пачуў дзяжурны ўзбуджаныя словы:
– Работа ёсць для вас, сілавікі!
Дарослыя зрабіць рашылі свята.
Не для саміх сябе –для дзетвары.
Дзяцей і праўда тутака багата –
Як верабейкі, скачуць у двары.
І звонкі смех разносіцца наўкола,
Ім весела, няйначай ад гульні...
– Не разумею я: у чым крамола?
Больш па-пустому, дзядзька, не звані! –
Абсек дзяжурны. –
Мы на працы ўсё-ткі...
Аднак не супакоіўся шаптун:
– Дык вам жа неўспадоб любыя сходкі,
А тут людзей, паверце мне, табун!
Да гэта не галоўнае, дарэчы.
Я бачыў, як глядзеў са стараны:
Павесіў нехта стужкі на парэнчы –
Чырвоныя і белыя яны...
Дзяржурны страпянуўся:
– Факт цікавы!
Я ўвесь аддзел пастаўлю на дыбкі,
Бо гэта не дзіцячыя забавы,
А акцыю праводзяць іх бацькі!
– Вядома ж, так!
Адпраўце іх за краты!
А ёсць грашок яшчэ і ў дзетвары:
У неба запускаюць дашкаляты
Чырвоныя і белыя шары.
– Вось гэта факт, бадай, крамольны самы.
Падобна, бунт рыхтуецца ў двары:
Не толькі пратэстуюць таты-мамы –
І дзеці іх таксама бунтары!
АМАП туды пасунуўся, як хмара,
За ім услед падаўся аўтазак.
Чакае ўсіх заслужаная кара –
Ніхто адтуль не вышмыгне!
Аднак
Дарма была паднятая трывога,
Бо шарыкі не лёталі ўгары.
За краты не адправілі нікога,
Да свята сапсавалі дзетвары.
* * *
Не дзівіць сітуацыя такая:
Асуджаных ужо задужа шмат.
А я ўсё з жахам думаю-чакаю,
Калі судзіць пачнуць і дашкалят...

Каша ў галаве

Жанчына мужу неяк кажа:
– І што рабіць мне, дарагі?
У галаве якаясь каша...
– Ды гэта ж у цябе мазгі!

Пагадзілася

– Хто там?
– Твой муж з камандзіроўкі.
– Ты, дзядзька, на штукарствы лоўкі.
У мужа голас тонкі. Хоць...
Ну, дзядзька, такі быць, заходзь...

Спагадлівая

У голасе яе спагады шмат,
Калі размову пра жывёл вядзе:
– Вось я таплю, напрыклад, кацянят
Заўсёды толькі ў цёплае вадзе...

Чэрці

Мужык, як і заўжды, паддаты
Вярнуўся раніцай дахаты,
А жонка ў крык:
– Ты зноўку "сіні"?
Дзе чэрці, гад, цябе насілі?!
У мужыка пачуццяў гама:
– Дык ты іх бачыла таксама?